

Проблемы «научной» аргументации в системе культуры (вступление к номеру)

Редакция «Радио.ru»

Научное знание обычно трактуют либо как знание достоверное в силу своей логической доказанности, либо как сведения пусть и всего лишь правдоподобные, но достаточно хорошо обоснованные. При этом как сама указанная дилемма, так и то, что именно значит «доказанное» или «хорошо обоснованное», являются поводом для бесконечных дискуссий.

Еще в Античности формируются основные теоретико-познавательные позиции: мы получаем знание путем некоторой умной, интеллектуальной интуиции, либо путем логического вывода и доказательства, либо посредством органов чувств, или же путем некоторого сочетания этих источников. Эти споры продолжались в рамках университетской философии и богословия Западного Средневековья¹. Не утихли они и в Новое время, в период формирования института науки. Это и известный спор XVII—XVIII вв. между «рационалистами» и «сенсуалистами», и дискуссии XIX в. о различии «логики обоснования» и «логики открытия», и многое другое.

Споры о природе и формах легитимной научной аргументации продолжались и в XX в. И если представители Венского кружка и логического позитивизма в целом хотя и признавали чувственный источник науки, делали акцент на *логических процедурах* построения научного знания, то многие крупные ученые того времени признавали роль дедукции только в незначительной степени. Примером могут служить методологические взгляды В. И. Вернадского (первая половина XX в.), считавшего, что в естествознании и в историческом плане роль дедуктивной логики была незначительной², и в актуальных научных исследованиях его времени дедуктивный вывод применяется очень ограниченно, и в плане методологического долженствования роль дедуктивной логики не должна пере-

---

¹Достаточно широкий спектр таких дискуссий освещен, например, в книге А. М. Шишкова «Средневековая интеллектуальная культура» (М., 2003).

²Например: «Анализ современной теоретической физики и механики оставит в ней ничтожную долю на влияние философской дедукции, идущей от XVII столетия. В области точного естествознания дедуктивный метод философов потерпел то же крушение, как и в области социологии» (*Вернадский В. И.* Из истории идей, 1912 г. // В. И. Вернадский. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 205—206).

оцениваться, но должна подчиняться фактуальной стороне исследований³. Так, если из нескольких принятых наукой фактов выводится противоречие, то нужно не отбрасывать часть этих фактов в качестве аномалий (как это для «нормальной науки» позже описал Томас Кун), а ограничить применимость к этим фактам дедуктивного вывода. Переводя на язык теории истинности, можно сказать, что с точки зрения Вернадского стоящее за принятием научных фактов понимание истинности как соответствия действительности для естествознания важнее, чем критерий логической непротиворечивости (вариант критерия когерентности), говорящий, что истинная теория не может быть логически противоречивой. С современной позиции, наверное, можно предположить, что Вернадский мог бы принять в качестве логики науки некоторый вариант паранепротиворечивой логики. В целом, учитывая историю постпозитивистской философии науки, можно заключить, что в каждой научной дисциплине и научной школе формируется свой спектр приемов, считающихся легитимными и достаточными для обоснования (получения) научного знания.

А. М. Анисов в статье «Теории и тексты», открывающей данный сборник, рассматривает логические принципы работы с теориями и с текстами. Он обосновывает мнение, что процедуры логического вывода неприменимы к текстам и извлеченным из них цитатам. С другой стороны, цитирование теорий, на его взгляд, также бессмысленная процедура.

Второй раздел номера посвящен мысленному эксперименту как способу обоснования. В статье И. Д. Невважая «Деонтические модальности аргументации в научном творчестве» продолжается обсуждение старого спора о различении «логики обоснования» и «логики научного открытия». Автор рассматривает историю ряда крупных научных открытий XVII–XX вв. (связанных с именами Галилея, Ньютона, Германа Вейля), выделяя в них использование общего аргументативного приема, состоящего в построении некоторых онтологически пустых, но деонтически нагруженных теоретических конструкций.

Один из методов, привлекаемых в качестве средства обоснования в различных гуманитарных исследованиях, — мысленные эксперименты. Примеры использования мысленных экспериментов можно найти еще в античной философской мысли — например, знаменитые апории Зенона. Метод использовался основателями экспериментальной науки Нового времени, в частности, Галилеем. Термин «мысленный эксперимент» впервые появляется, видимо, в начале XIX в., у датского физика Ханса Кристиана Эрстеда. Но в качестве осознанного легитимного метода научного исследования мысленный эксперимент принимается только в конце XIX в. Эрнстом Махом — австрийским физиком, философом, в значительной степени являющимся основателем философии науки (созданная и возглавленная Махом кафедра Венского университета назы-

---

³Например: «Чисто логическим путем открывать новое из установленных научных фактов и обобщений можно только в очень узких пределах. <...> Делая путем разума логические... заключения, мы, по существу, совершаем экстраполяцию, часто заводящую человеческую мысль в сторону от научной истины. <...> Мы должны это всегда иметь в виду при нашем логическом анализе, должны ограничивать область экстраполяции — останавливаться, не доводя до конца наше логическое суждение» (*Вернадский В. И. Начало жизни и эволюции видов // В. И. Вернадский. Живое вещество и биосфера. М., 1994. С. 445*).

валась кафедрой «философии, в особенности, истории и теории индуктивных наук»; после Маха эту кафедру возглавляли Людвиг Больцман и лидер Венского кружка Морис Шлик), — в ходе исследований методологии Галилея⁴.

Вслед за этим мысленный эксперимент возвращается в философию и различные гуманитарные исследования уже как легитимный «научный» метод. «Мысленные эксперименты» с претензией на статус надежного аргументативного инструмента используются в экономике, исследованиях сознания, исследованиях групповых этических установок и др. (хотя аргументативная релевантность этого метода ставится многими исследователями под сомнение). В философии мысленный эксперимент связывается в первую очередь с так называемыми «аналитической философией» и «экспериментальной философией». Название последней как раз и происходит от использования в ней «мысленного эксперимента» в качестве основного метода исследования. Более точно, в данном направлении используется техника исследования общественного мнения путем опросов (применяется в социологии, политологии, маркетинге, психологии). Предметом же этих опросов как раз и является исход того или иного мысленного эксперимента (наиболее известно в этой связи семейство экспериментов с вагонеткой). Массовое повторение исследуемой группой одного и того же мысленного эксперимента (с последующей статистической обработкой полученных данных) создает впечатление объективного источника знания об этических и иных групповых установках. В статье Д. Н. Дроздовой «Использование мысленных экспериментов в современной экспериментальной философии» не только анализируются особенности данной «научной» методологии, но и проблематизируется правомерность ее отнесения к методологии мысленных экспериментов, а также указывается сомнительность аргументативной релевантности ее результатов для философии.

Третий раздел посвящен околонучной аргументации в контексте культуры. Вообще, споры о «научности» той или иной аргументации, об особенностях «научной» аргументации и т. п. тесно связаны с обсуждением взаимоотношений науки с другими социальными институтами. Классические споры о «горизонтальных» связях науки: наука *versus* религия, наука *versus* философия (или наука *versus* метафизика), наука *versus* искусство (в советской послевоенной культуре — спор «физиков» и «лириков») и т. п.; современное положение дел породило и новые споры — о «вертикальных» связях. В первую очередь это вопрос о применимости количественных, так называемых «наукометрических» показателей для оценки качества научной работы и административного управления наукой. В краткой форме проблему можно сформулировать так: являются ли «наукометрические» показатели научными?

С этим связана и проблема искажения научной мотивации. Еще в Античности в связи с определением философии была сформулирована трилемма мотивации всякой общественной познавательной деятельности: «Иные, подобно

⁴Описание проблематики мысленного эксперимента, истории его легитимации в науке и правомерности применения в экономике можно найти, к примеру, в статье О. Б. Кошовец и Т. А. Вархотова «Эпистемологический статус моделей и мысленных экспериментов в экономической теории» (Вопросы экономики. 2015. № 2. С. 5–21).

рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины»⁵. Согласно этой традиции, идущей, как считается, от Платона, определяющим мотивом занятий философией является поиск «истины», что противопоставляется идущему от Исократу пониманию философии как связанной с риторикой и поэтому (по крайней мере, с точки зрения Платона) ориентированной на общественный (слава) и финансовый успех. Платоновская установка, победив в рамках философии, передалась и выделившейся из нее науке. Конечно, проблема «искаженной» мотивации в науке существовала и раньше. Сюда относятся и споры о приоритете, и проблемы плагиата и присвоения чужого интеллектуального труда (например, история сбора астрономических данных Тихо Браге), и использование политики во внутринаучных дискуссиях, и апелляция к науке в той же политике (современный дискурс о тепличных газах и основанные на нем нововведения в практике международных отношений), маркетинге (история о борьбе в 1990-е гг. на рынке холодильных установок и истерии по поводу озоновых дыр), и многое другое. Но это обычно осознавалось как следование отдельных людей другим, не собственно научным мотивам деятельности. Тогда как введение наукометрических показателей для регулирования научной деятельности выдает себя за метод, основанный на научных (наукометрических) оценках. Таким образом, оценка качества научной работы через учет ее соответствия действительности, ее новизны, широты используемого в ней материала, глубины и оригинальности рассмотрения в ней темы, полезности ее содержания для практики и т. п. заменяется оценкой работы по числу ее цитирований и тому подобным показателям, то есть, в конечном счете, на основании ее «славы». Доводя этот подход до предельной степени, можно сказать, что в соответствии с ним некоторая работа является «научной» не на основании ее результатов и используемых методов аргументации, а на основании наличия публикаций и цитирований в некоторых источниках, выделенных (часто просто назначенных) в качестве «научных». По крайней мере, некоторые авторитетные в научном сообществе издания в 2000-е гг. не были включены в административно принятые списки «авторитетных научных изданий», а многие источники просто не входят в учитываемые при таких оценках индексы цитирования.

В статье Л. В. Шиповаловой и Р. И. Галлямова «Наукометрия: pro et contra» рассматриваются аргументы, выдвигаемые «за» и «против» использования количественных, наукометрических методов для управления наукой. При этом авторы рассматривают аргументы как представителей научного сообщества, так и научного менеджмента, а также просто заинтересованной публики. На основании проведенного анализа фиксируются не только расхождения между позициями заинтересованных сторон, но и области их пересечения, что открывает возможности для выработки относительно общего, взаимоприемлемого подхода.

Другой круг проблем связан с использованием научного знания. В частности, с задачей его популяризации. Традиционные приемы популяризации исхо-

---

⁵Одна из историй о введении слова «философ» Пифагором, переданная Диогеном Лаэртским в его «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» М., 1986. Кн. VIII, 8.

дили из необходимости рассказать о достижениях науки понятно, но без профанации и снижения качества передаваемых знаний. Современные же подходы часто предельно упрощают передаваемый материал, сводя его до уровня комиксов (можно вспомнить серию изданных у нас в 2000-е гг. переводных брошюр, рассказывающих в форме комиксов о Канте, Гегеле, Хайдеггере и др.) или клипов. Конечно, примитивизирующая популяризация существовала и раньше. Например, в рамках медицинской пропаганды среди неграмотного населения медицинских открытий и приемов личной гигиены (советские фильмы о времени революции, Гражданской войны и последующей разрухе дают богатый иллюстративный материал таких просветительских агиток). Но это относилось уже скорее к области практического использования знаний (для предотвращения эпидемий и т. п.), тогда как современные ориентированные на существование и функционирование в сети формы популярного изложения научных сведений часто искажают стиль собственно популяризаторского жанра.

В статье О. А. Шапиро «Трансформация аргументативных стратегий в современной научной популяризации» описываются основные тенденции таких искажений. Согласно выводам автора, общая направленность подобных электронных сетевых материалов не только по стилю, принципам визуального и структурного форматирования, но и по способу аргументации приближает их к устным и рукописным текстам.

Таким образом, вопрос о научной аргументации ставится в статьях данного номера журнала «Радио.ru» в плане не только норм и идеальных моделей науки, но и эмпирических исследований реальной науки и связанных с наукой социальных процессов. Авторами работ являются, с одной стороны, логики (Анисов, Шапиро), а с другой — специалисты по истории и философии науки (Неважай, Шиповалова, Галлямов, Дороздова). С позиции географии в сборнике представлены Москва, Санкт-Петербург, Саратов и Симферополь. В результате номер достаточно разнообразен как со стороны представленных подходов к анализу «научной» аргументации, так и со стороны дисциплинарной соотнесенности этих исследований и представленных авторами регионов России (а соответственно, и региональных школ). Смею надеяться, что это компенсирует неизбежную фрагментарность и избирательность журнального освещения любого предмета и делает номер в целом более репрезентативным.

Ответственный редактор номера,
кандидат философских наук
Т. А. Шиян